

© 2026. К. Б. Назаренко

Санкт-Петербургский государственный университет
г. Санкт-Петербург, Россия

Полковник Скалозуб: исторические реалии в комедии А. С. Грибоедова «Горе от ума»

Аннотация: Статья посвящена анализу указаний А. С. Грибоедова в тексте «Горе от ума», посвященных характеристике героя комедии полковника Скалозуба. Для правильного понимания этих указаний следует рассматривать их в историческом контексте. В статье анализируются фамилия, имя, имущественное положение полковника, основные вехи его карьеры, включая участие в боевых действиях, награды, особенности поведения. Опираясь на опыт исследования комедии и истории повседневности 1820-х гг., автор статьи приходит к выводу, что полковник Скалозуб — не романтический образ военного, совершающего бесконечные подвиги, осыпанного наградами, блестящего и остроумного. Это тип реального армейского офицера грибоедовской эпохи, лишенного образования и стремления к нему, в полную силу тянущего лямку армейской службы в провинции, которому повезло уцелеть в боях 1809–1814 гг. и продвигаться по службе, а также продолжить успешную карьеру в мирное время.

Ключевые слова: А. С. Грибоедов, «Горе от ума», полковник Скалозуб, исторические реалии, офицер, армия, повседневность

Информация об авторе: Кирилл Борисович Назаренко, доктор исторических наук, доцент, Санкт-Петербургский государственный университет, Университетская наб., д. 7/9, 199034 г. Санкт-Петербург, Россия. ORCID ID: <https://orcid.org/0000-0001-5659-7318>

E-mail: k.nazarenko@spbu.ru

Дата поступления статьи в редакцию: 23.11.2025

Дата одобрения статьи рецензентами: 03.02.2026

Дата публикации статьи: 25.06.2026

Для цитирования: Назаренко К. Б. Полковник Скалозуб: Исторические реалии в комедии А. С. Грибоедова «Горе от ума» // Два века русской классики. 2026. Т. 8, № 2. С. 94–117. <https://doi.org/10.22455/2686-7494-2026-8-2-94-117>

This is an open access article
distributed under the Creative
Commons Attribution
4.0 International (CC BY 4.0)

Dva veka russkoi klassiki,
vol. 8, no. 2, 2026, pp. 94–117. ISSN 2686-7494
Two centuries of the Russian classics,
vol. 8, no. 2, 2026, pp. 94–117. ISSN 2686-7494

Research Article

© 2026. Kirill B. Nazarenko

Saint Petersburg State University
Saint Petersburg, Russia

Colonel Skalozub: Historical Realities in A. S. Griboyedov's Comedy "Woe from Wit"

Abstract: This article analyzes A. S. Griboyedov's description of the hero of the comedy, Colonel Skalozub, in "Woe from Wit." To properly understand these descriptions, they must be placed in their historical context. The article examines the colonel's surname, first name, and financial status, as well as the key milestones of his career, including his combat experience, awards, and behavior. Drawing on research into comedy and the everyday history of the 1820s, the author concludes that Colonel Skalozub is not a romanticized image of a military man, performing endless feats, showered with awards, brilliant, and witty. He is a real-life army officer of Griboyedov's era, devoid of education and lacking any desire for it, toiling away at the burden of military service in the provinces. He was fortunate to survive the battles of 1809–1814, advance in the ranks, and continue a successful career in peacetime.

Keywords: A. S. Griboyedov, "Woe from Wit," Colonel Skalozub, historical realities, officer, army, everyday life

Information about the author: Kirill B. Nazarenko, DSc in History, Associate Professor, Saint Petersburg State University, Universitetskaya Emb. 7/9, 199034 St. Petersburg, Russia. ORCID ID: <https://orcid.org/0000-0002-5135-6782>

E-mail: vladilogos@mail.ru

Received: November 23, 2025

Approved after reviewing: February 03, 2026

Published: June 25, 2026

For citation: Nazarenko, K. B. "Colonel Skalozub: Historical Realities in A. S. Griboyedov's Comedy 'Woe from Wit.'" *Dva veka russkoi klassiki*, vol. 8, no. 2, 2026, pp. 94–117. (In Russ.) <https://doi.org/10.22455/2686-7494-2026-8-2-94-117>

...портреты и только портреты входят
в состав комедии и трагедии...
Карикатур ненавижу;
в моей картине ни одной не найдешь.
(Из письма А. С. Грибоедова к П. А. Катенину)
[Век нынешний: 46].

Комедия А. С. Грибоедова «Горе от ума» за 200 лет ее существования, как кажется, должна быть изучена «вдоль и поперек», однако следует признать, что это не так. В данной статье мы хотели бы остановиться на образе Сергея Сергеевича Скалозуба, относительно которого целый ряд указаний Грибоедова, рассыпанных в тексте комедии, остался, по нашему мнению, либо вовсе не замечен, так как был поставлен в неправильный контекст, либо неверно понят.

В качестве примера можно указать на широко известное суждение крупнейшего специалиста по истории движения декабристов, исследователя биографии и творчества Грибоедова М. В. Нечкиной (1899–1985) о наградах Скалозуба: «Но “засесть в траншею” — еще не подвиг. Скалозуб дискредитирован в этом тексте...» [Нечкина: 277]. Также автор отметила, что 3 августа 1813 г. «действовали особые условия Плесвицкого перемирия, в силу которых боевых действий в эти дни вообще не могло происходить... “Засесть”, таким образом, в траншею при всем желании было нельзя, так как армия находилась на марше» [Нечкина: 278]. В заключениях М. В. Нечкиной, по нашему мнению, закралось сразу несколько ошибок. Прежде всего, не учитывается, что боевые действия велись не только на главном театре военных действий. Например, в январе–декабре 1813 г. проходила осада Данцига, в ходе которой более чем уместно было получить награду за удержание осадных позиций русской армии во время французской вылазки («засесть в траншею»). Самая же поразительная ошибка М. В. Нечкиной в том, что герои Грибоедова оперируют датами по старому стилю —

3 августа (ст. ст.) соответствует 15 августа (нов. ст.), а боевые действия после Плесвицкого перемирия возобновились 29 июля (10 августа) [Плесвицкое перемирие]. Ошибка М. В. Нечкиной повторена в комментариях к полному собранию сочинений Грибоедова и дополнена столь же ошибочной идеей Н. В. Королевой о том, что писателем имелось в виду 3 августа 1812 г., когда велись боевые действия под Смоленском [Грибоедов 1: 314]. Однако осадные работы в это время не велись, «засесть в траншею» было невозможно.

М. В. Нечкина справедливо утверждала:

Откуда взята дата «третье августа»? Она очень точна. Может быть, Грибоедов выбрал ее совершенно случайно, как первую попавшуюся дату, которая удовлетворяла необходимому образу точности и ритму строки, а сама по себе не имела претензии на отражение действительности? Едва ли он рискнул бы на это; воспоминания о 1812–1814 гг. были слишком свежи, пьесу читали тысячи глаз реальных участников событий, отлично знавших хронологию войны. Они невольно справлялись бы при чтении со своей памятью, где даты были записаны кровью [Нечкина: 277–278].

Мы полностью согласны с этим рассуждением, но только смысл, вложенный Грибоедовым в дату, был понят превратно. Напомним, что Грибоедов должен был прекрасно понимать случайности военной службы в том смысле, что далеко не всем представлялась возможность отличиться. Сам он, несмотря на желание, не смог принять участия в боевых действиях ни в 1812 г., ни во время Заграничного похода (летом 1812 г. его полк формировался, в сентябре–октябре он был болен, а затем, до взятия Парижа, находился в Брест-Литовске, при кавалерийских резервах). Зато благодаря этой службе появилось одно из первых напечатанных произведений Грибоедова — статья «О кавалерийских резервах» [Грибоедов 2: 249–253].

Отметим, что выбор Грибоедовым фамилии для Скалозуба не нашел пока адекватного объяснения. Действительно, фамилия была бы говорящей, если бы полковник бесконечно шутил и смеялся, однако он этого не делает. Представляется вероятным, что фамилия указывает на малороссийское происхождение героя. Известен гетман реестровых казаков на польской службе Демьян Скалозуб, занимавший этот пост в 1583–1592 гг. [Биографический словарь]. Таким образом Скалозуб

в известной степени уподобляется И. Ф. Паскевичу (1782–1856), происходившему из мелкопоместного малороссийского дворянства, но достигшему высших чинов и почестей. На малороссийское происхождение полковника намекает и фраза Лизы: «И Скалозуб, как свой хохол закрутит».

Символичным представляется имя полковника — Сергей — «высокий» [Терешкина: 117–125]. К тому же он Сергей Сергеевич, то есть вдвойне высокий. Действительно, в пьесе он характеризуется как очень рослый:

Хлёстова:

... Дался ему трех сажень удалец...
[Грибоедов 1: 84].

В данном случае, очевидно, имелась в виду наиболее распространенная разновидность сажени — «казенная», равная 2,14 м. Рост свыше 6 метров — очевидная гипербола.

Первоначально в егеря отбирали метких стрелков, но по мере роста числа егерских полков, к началу Отечественной войны 1812 г., в них стали отбирать просто малорослых (в 1812 г. минимальный рост рекрута был понижен до 151 см [Ульянов: 10]). Средний рост мужчины в начале XIX в. был меньше, чем сейчас, но егеря были маленькими и по меркам своего времени. Возможно, что Грибоедов хотел достичь противопоставлением высокого полковника и маленьких солдат комического эффекта.

Рассматривая замену Грибоедовым в процессе работы над пьесой тех или иных характеристик, относящихся к Скалозубу, мы полагаем, что автор целенаправленно снимал романтические штампы, касающиеся войны и военной службы. В первоначальном тексте пьесы Скалозуб «брал батарею», произносил пафосную фразу «Я — школы Фридриха, в команде гренадеры...» [Пиксанов: 212].

Таким образом, на первый взгляд, Грибоедов вводит Скалозуба как комического персонажа, эксплуатируя незатейливые приемы — противопоставление его роста окружающим, намекая на малороссийское происхождение.

В пьесе полковник несколько раз характеризуется как богатый человек:

Лиза:

Вот, например, полковник Скалозуб:
И золотой мешок, и метит в генералы
[Грибоедов 1: 137].

Еще важнее фраза Фамусова в диалоге со Скалозубом:

Фамусов:

Душ тысячки две родовых,
Тот и жених
[Грибоедов 1: 160].

Очевидно, что 2 тыс. душ крепостных — это очень большое богатство, и раз уж Фамусов говорит об этом в контексте возможного брака Скалозуба и его дочери, то богатство самого полковника должно быть сравнимым.

Скалозуб богат и при этом служит в армейской пехоте, а ведь всего 3,4 % офицеров армейской пехоты в 1815 г. имели хотя бы нескольких крепостных, тогда как 74,5 % офицеров не владели ни одной «душой». В общей массе армейского офицерства владельцы свыше 1000 «душ» составляли ничтожные 0,2 %! [Целорунго: 115–131]. Очевидно указание на необычность служебного пути полковника. Стандартным выбором богатого помещика или наследника была гвардия или кавалерия. Кроме более красивой формы, эти части давали массу существенных выгод. Гвардейцы служили в столице и всегда были на глазах царя, поэтому около 40 % генералов русской армии эпохи 1812 г. вышли из гвардейского офицерства (из них 3/4 перешли в армию только для занятия генеральских должностей). В действительности гвардейцев, командовавших армейскими полками, было еще больше [Висковатов: 191]. А. Ф. Ланжерон, французский эмигрант, прослуживший в русской армии более 30 лет, заметил:

В прежнее время считали большим злоупотреблением то, что из десяти полковников, получавших полки, 4 или 5 назначались из гвардии; в настоящее время злоупотребление это еще увеличилось пропорционально с численностью гвардии, и я могу утверждать, что теперь три четверти полковых командиров назначается из гвардии [Ланжерон: 174].

После каждого сражения наполеоновских войн, в котором гвардейские полки участвовали и понесли потери, как правило, награждались орденами все офицеры данного полка — невиданная роскошь для армии — где наличие хотя бы одного ордена у офицера было сравнительно нечастым явлением даже после Отечественной войны! Наконец, в гвардии служба была более веселой — Петербург предоставлял неограниченные возможности для развлечений при наличии средств. Служба в кавалерии приносила ощутимые материальные выгоды, даже не обворовывая солдат, при умелом ведении эскадронного хозяйства, экономя на закупках фуража, можно было иметь «безгрешные» доходы. Несмотря на эти очевидные выгоды, Скалозуб начинает свою службу в армейской пехоте.

Такой выбор может иметь лишь одно объяснение — в момент начала своей служебной карьеры Скалозуб принадлежал к скромному по материальному положению провинциальному дворянству, ему была недоступна служба в кавалерии или гвардии, но затем он получил наследство дальнего богатого родственника. Родственник должен быть дальним, так как при жизни он не желал обеспечивать службу Сергея Сергеевича в престижных частях, а стать обладателем определенного состояния Скалозуб должен был спустя несколько лет — так как после получения наследства герой не перевелся в гвардию или кавалерию, прослужив уже некоторое время в своем армейском полку и не желая бросать его и товарищей, а также, не имея ни малейшей протекции. Других мотивов против перевода богатого офицера в престижные войска просто не могло быть. Конечно, Скалозуб мог увеличить полученное наследство за счет доходов от полка, однако если бы Грибоедов захотел выставить полковника вором, он подчеркнул бы это более рельефно.

Зачем Грибоедову понадобилось делать полковника богатым человеком? Очевидно, только для того, чтобы объяснить планы Фамусова выдать за него свою дочь. Действительно, крупный московский чиновник мог бы рассчитывать для своей дочери на гвардейского офицера, и лишь богатство жениха в сочетании с успешной карьерой позволяло объяснить выбор Фамусова. Кандидат в генералы без состояния ни при каких обстоятельствах не мог привлечь внимания Фамусова на роль жениха его дочери, и такая комбинация выглядела бы искусственной в глазах читателей пьесы.

Грибоедов сообщает многое о карьере Скалозуба. Полковник был произведен в офицерский чин в 1809 г.

Скалозуб:

Нет-с, старее меня по корпусу найдутся,
Я с восьмьсот девятого служу
[Грибоедов 1: 45].

Поскольку эта фраза поставлена в контекст его старшинства (за которое учитывалась только служба в офицерских чинах), то несомненно, что речь идет именно о дате производства в офицеры, тогда как поступить на военную службу он должен был за несколько лет до этого, в качестве юнкера — молодого дворянина, служащего рядовым, затем унтер-офицером в ожидании производства в офицеры. Возможность окончания Скалозубом кадетского корпуса следует исключить, учитывая его низкий культурный уровень и презрение к любым учебным заведениям.

По уставу юнкер служил в должности рядового три месяца, а затем унтер-офицером не менее двух лет девяти месяцев [Воинский устав: 89]. На практике служба бедных провинциальных дворян в нижних чинах армейской пехоты затягивалась значительно дольше предписанного. В качестве примера можно привести несколько портупей-прапорщиков (старших кандидатов в офицеры) из дворян, получивших офицерские чины в награду за спасение знамен после Аустерлицкого разгрома. Они прослужили в нижних чинах от 2 лет 9 месяцев до 9 лет, в среднем 6 лет. Если Скалозуб был произведен в офицеры через 3 года службы в нижних чинах — он мог еще считать свою карьеру сравнительно быстрой. Кстати, это рассуждение дает возможность установить возраст полковника на момент действия пьесы. Если предположить, что Скалозуб поступил на военную службу в 15–16 лет (что было нормой) в 1806 г. и прослужил в нижних чинах три года, то к моменту действия пьесы (декабрь 1823 г.) ему было около 32–33 лет.

В пьесе не говорится, где служил Скалозуб до 1813 г., но затем мы узнаем, что:

Скалозуб:

В тринадцатом году мы отличились с братом
В тридцатом егерском, а после в сорок пятом
[Грибоедов 1: 44].

Если предположить, что все время до перевода в 45-й егерский наш герой прослужил в 30-м егерском, то он должен был участвовать в русско-шведской войне 1808–1809 гг. [Михайловский-Данилевский 1841: 370–375].

Для правильного понимания указаний на место службы Скалозуба следует учесть, что в эпоху Отечественной войны в поход выступали два батальона (первый и третий) каждого пехотного полка русской армии в полном составе, они назывались «действующими». Гренадерская рота второго батальона также выступала в поход и включалась в состав сводно-гренадерских дивизий. Оставшиеся три роты второго батальона должны были служить запасными, однако фактически они включались в дивизии, действовавшие на второстепенных направлениях. Кроме того, в 1812 г. в ряде полков русской армии были сформированы четвертые (рекрутские) батальоны для обучения новобранцев. Некоторые из этих подразделений принимали участие в боях. Братья Скалозубы могли оказаться как в составе основного ядра своего полка, так и в его «осколках».

В 1812 г. первый и третий батальоны 30-го егерского полка участвовали в битве под Смоленском и понесли тяжелые потери, составившие не менее 1/3 штатной численности полка, поэтому в Бородинском сражении полк непосредственно не участвовал, находясь на крайнем левом фланге русской позиции [Михайловский-Данилевский 1839: 281]. При отступлении к Москве полк находился в арьергарде, отходя одним из последних, и участвовал в ряде столкновений с французами, понеся новые потери [Боевой календарь-ежедневник: 537–539]. К моменту оставления Москвы в полку едва ли оставалось 400 человек из 1361, положенного по штату. 30-й егерский полк был задействован в сражении при Тарутине [Звегинцов: 445–448], позднее он практически не участвовал в боях до полного изгнания неприятеля из России.

Гренадерская рота второго (запасного) батальона 30-го егерского полка входила в состав 1-й сводно-гренадерской бригады 1-й Западной армии. Эта бригада в день Бородина обороняла Багратионовы флеши:

В самое короткое время она вырвала из неприятельских рук несколько взятых у нас орудий, но вскоре была почти вся истреблена градом картечи... Не многие, поодиночке, возвратились... [Висковатов: 173].

Из-за огромных потерь, понесенных в Бородинском сражении, 1-я сводно-гренадерская бригада была расформирована в Тарутинском лагере, и оставшиеся в живых гренадеры второго батальона 30-го егерского полка присоединились к своему полку.

Три егерские роты второго батальона 30-го егерского полка входили в состав 31-й пехотной дивизии, которая была включена в корпус генерал-лейтенанта И. Н. Эссена 1-го, и принимала участие в обороне Риги от наполеоновских войск под командой маршала Макдональда. Второй батальон участвовал в ряде боев с французами [Боевой календарь-ежедневник: 109–112, 219], а позднее — в попытке высадки десанта у Данцига [Боевой календарь-ежедневник: 445]. Второй батальон 30-го егерского потерял за лето 1812 г. около 1/5 своего первоначального состава. В январе 1813 г. он все же попал под Данциг в составе корпуса, которому была поставлена задача блокировать эту крепость [Богданович 1: 488].

Рекрутский батальон 30-го егерского полка принял участие в боях, 17 (29) июля под г. Велиж, но, к сожалению, какие-либо сведения о ходе боя и потерях отсутствуют [Боевой календарь-ежедневник: 188].

Вполне логично предположить, что Скалозуб оказался во втором батальоне 30-го егерского полка, воевал под Ригой и затем осаждал Данциг, где и «засел в траншею» 3 августа 1813 г.

Если Скалозуб был переведен в 45-й егерский полк осенью 1813 г., то за август–сентябрь полк потерял около 2/3 своего состава [Звегинцов: 455] из-за участия в тяжелых боях в августе в составе Силезской армии. 6 (18) октября, во время Лейпцигского сражения («битва народов») полк участвовал в кровопролитном трехкратном штурме местечка Шенфельд, занятой французскими частями корпуса Мармона [Звегинцов: 459–460]. На другой день 45-й егерский штурмует Лейпциг с севера и захватывает флешь, прикрывающую мост, а к вечеру врывается и в сам Лейпциг. Лейпцигское сражение по кровопролитности для русских войск стоит сразу же за Бородинским — потери убитыми и ранеными в нем составили 38 тыс. человек, в том числе погибло 19 генералов и 854 офицера [Звегинцов: 460–461]. Второй батальон 45-го егер-

ского полка в составе действующих войск не значился, скорее всего, он был расформирован для пополнения основной части полка.

Под пером Грибоедова Скалозуб начинает получать черты, далеко выходящие за рамки стандартного комического героя — он обретает военную биографию, которую современники могли оценить по достоинству — при отсутствии протекции и службе в армейской пехоте полковник прошел через кровопролитные сражения и быстро вырос в чинах — очевидно, в связи с собственными заслугами. Грибоедов указывает на отличия Скалозуба и его брата при осаде Данцига и в Лейпцигском сражении. Как уже отмечалось выше, 3 августа (ст. ст.) под Данцигом велись активные боевые действия, поэтому сомневаться в боевых заслугах полковника не приходится.

За некоторое время до момента действия пьесы Скалозуб служит в Москве, в Новоземлянском мушкетерском полку.

Хлестова (сидя):

Вы прежде были здесь... в полку... в том...
в гренадерском?
[Грибоедов 1: 83].

Скалозуб (басом):

В его высочества, хотите вы сказать,
Ново-землянском мушкетерском
[Грибоедов 1: 83].

Полка с таким названием в русской армии не было. Пехотных полков, шефами которых были принцы («его высочество») в начале 1820-х гг. в русской армии было всего три:

— его высочества наследного принца Прусского¹ (Перновский гренадерский, с июня 1818 г.);

— его высочества принца Вильгельма Прусского² (Калужский пехотный, с февраля 1818 г.);

¹ Фридрих-Вильгельм Прусский (1795–1861) — король Пруссии с 1840 г.

² Вильгельм Прусский (1797–1889) — король Пруссии с 1861 г., первый германский император с 1871 г., брат предыдущего. Во время Заграничного похода служил обер-офицером в Калужском пехотном полку, был награжден орденом св. Георгия 4 степ. за сражение при Бар-сюр-Об.

— его высочества принца Карла Прусского¹ (Либавский пехотный, с октября 1822 г.).

Строго говоря, полки после пожалования шефства высочайших особ утрачивали свое название по городу, но в быту их продолжали называть привычным названием, так как шефство было обычно недолговечным и могло довольно часто меняться. Такое «засилье» прусских принцев среди шефов полков объяснялось как тесным союзом России и Пруссии в 1813–1815 гг., так и тем, что их сестра, в православии Александра Федоровна² стала в 1817 г. женой великого князя Николая Павловича — будущего императора Николая I.

Перновский полк можно отбросить, так как он гренадерский, тогда как Скалозуб называет свой бывший полк мушкетерским. Так назывались официально пехотные полки до 1811 г., а в быту — и много позже. Следовательно, остаются Либавский и Калужский пехотные полки. Они стояли в начале 1820-х гг. в Риге и ее окрестностях, а не в Москве. Это лишний раз подчеркивает, что Грибоедов обобщал и типизировал, поэтому не следует видеть в каждом слове автора «Горя от ума» точное указание на конкретные реалии.

Затем Скалозуб был переведен в 15-ю пехотную дивизию, вероятно, в связи с назначением командиром полка. Об этом вспоминает Репетилов:

Репетилов:

Слух об тебе давно затих,

Сказали, что ты в полк отправился на службу

[Грибоедов 1: 107].

В момент действия пьесы Скалозуб — командир одного из полков 15-й пехотной дивизии. Об этом свидетельствует его реплика:

Скалозуб:

У нас в 15-й дивизии, не дале,

Об нашем хоть сказать бригадном генерале

[Грибоедов 1: 159].

¹ Карл Прусский (1801–1883) — младший брат предыдущих.

² Фридерика Луиза Шарлотта Вильгельмина Прусская (1798–1860) — сестра предыдущих.

Эта дивизия размещалась в 1823 г. в Рязанской и Тульской губерниях, следовательно, Скалозуб находится в Москве в командировке или (что менее вероятно), в отпуске. Вопрос о составе 15-й дивизии не так прост, поскольку между 1815 и 1833 гг. состав и нумерация дивизий неоднократно изменялись. На 1823 г. 15-я пехотная дивизия состояла из Рязанского и Ряжского (1-я бригада), Белёвского и Тульского (2-я бригада), 29-го и 30-го егерских полков (3-я бригада). Командирами бригад в декабре 1823 г. были генерал-майоры Карл Леонтьевич де Жерве 2-й (1787–1852), Павел Яковлевич Алексеев (ок. 1780–1825) и Алексей Федорович Ножин (годы его жизни установить не удалось). К. Л. де Жерве стал полковником в 29 лет, генерал-майором — в 37 лет. Примерно в этом же возрасте достиг чина полковника и генерал-майора П. Я. Алексеев. Так что оба этих генерала могли быть упомянуты Скалозубом в контексте быстрой карьеры, однако подчеркнем, что мы считаем бесперспективным искать прямых прототипов грибоедовских героев, поскольку Грибоедов, как первоклассный писатель, не нуждался в рабском следовании прототипу, а мог широко обобщать. В связи с этим представляется неверным утверждение М. В. Нечкиной:

А. Н. Веселовский, использовавший не дошедшие до нас записи, предполагал сведениями, что прототипом Скалозуба был некий дивизионный генерал «Фр[о]л[о]в», которого Грибоедов мог наблюдать в эти годы (годы своей военной службы — К. Н.) [Нечкина: 125].

Грибоедов вкладывает в уста Скалозуба реплику, которую принято трактовать как демонстрацию цинизма его героя:

Скалозуб:

Довольно счастлив я в товарищах моих,
Вакансии как раз открыты;
То старших выключат иных,
Другие, смотришь, перебиты
[Грибоедов 1: 44].

Мы полагаем, что в данном случае имеет место прямолинейная констатация обычной ситуации эпохи Отечественной войны и Заграничного похода. Нередки были случаи, когда после генерального сражения,

вроде Бородинского или Лейпцигского, в полку старшим офицером оказывался поручик, а в бригаде — майор. Например, в Бородинской битве с 9 до 12 часов дня сменилось четыре командира лейб-гвардии Измайловского полка и четыре командира бригады, в которую входил этот полк [Висковатов: 173]. Осуждая Скалозуба за «цинизм» в этой фразе, следует помнить, что полковник мог оказаться в числе «перебитых» с наименьшей вероятностью, чем его товарищи.

Сама реплика, думается, призвана вызвать комический эффект. Если сделать паузу после первой строки, то зритель может подумать, что «товарищи» Скалозуба способствуют его карьере тем, что, заняв высокие посты, «тянут» за собой сослуживца, а оказывается, что «старшие» помогают продвижению героя по службе иным образом. Эту трактовку углубляет фраза Фамусова:

Фамусов:

Однако братец ваш мне друг и говорил,
Что вами выгод тьму на службе получил.

Фамусов намекает на покровительство, которое Скалозуб оказывал своему брату. Скалозуб не поддерживает разговор о «выгодах», а своим ответом подчеркивает, что они отличились с братом вместе, следовательно, покровительство полковника здесь ни при чем.

Скалозуб:

Да, чтоб чины добыть, есть многие каналы;
Об них как истинный философ я сужу;
Мне только бы досталось в генералы
[Грибоедов 1: 45].

Значение, в котором употреблено слово «философ» не должно вводить в заблуждение. В конце XVIII – начале XIX в. это слово употреблялось, по меньшей мере, в двух далеко разведенных значениях: в прямом и «обратном», сниженном. Если с прямым значением все ясно, то об «обратном» необходимо сказать несколько слов. По легенде, известный авантюрист, литератор и бонвиван Дж. Казанова, умирая, сказал: «Я жил как философ» [Masters: 284]. В «обратном», сниженном варианте слово «философ» было ироничным обозначением человека, живу-

щего легко, без сложных переживаний и терзаний, в согласии с самим собой. Очевидно, что в разговорной речи это последнее значение слова «философ» превалировало. Прилагательное «истинный» только усиливало сниженное значение этого слова. Возможно, что Скалозуб проявляет здесь самоиронию, либо просто повторяет расхожую присказку. Нет никаких оснований видеть в реплике «Об них как истинный философ я сужу» попытку поднять свой карьеризм на идейную высоту. Если обратить внимание на расстановку знаков препинания, то можно видеть, что эта реплика относится к следующей строке, а не к предыдущей, то есть не «чтоб чины добыть есть многие каналы; Об них как истинный философ я сужу», а «Об них как истинный философ я сужу: Мне только бы досталось в генералы...»

О вероятности производства в генералы армейского офицера той эпохи можно судить на примере карьеры 332 генералов, участвовавших в боевых действиях в 1812–1814 гг., чьи портреты потом оказались представлены в Военной галерее Зимнего дворца. Разысканы сведения о начале карьеры относительно 222 из них: 52 (23,4 %) будущих генерала окончили кадетские корпуса, 85 (38,3 %) были произведены в офицеры из гвардейских унтер-офицеров (в том числе 74 перешли в армию только для занятия генеральских должностей), 30 (13,5 %) будущих генералов вступили в русскую службу, уже имея офицерский чин, полученный в иностранных армиях. Лишь 55 (24,8 %) генералов начинали службу юнкерами в армейских полках, как и Скалозуб [Глинка: 41–45].

Какие подвиги ни совершай армейский служака, а получить в командование полк ему вряд ли удастся, если это место пожелает занять переведенный из гвардии молодой, не нюхавший пороха офицер,

— писал известный знаток русской армии В. М. Глинка [Глинка: 45].

Таким образом, всего около четверти русских генералов служило всю жизнь в армии. На этом фоне вздох полковника: «Мне только бы досталось в генералы» выглядит совершенно уместно.

Скалозуб все время своей службы провел в армейской пехоте, он испытывает ревность к гвардии, как старой, так и молодой («гвардионцы» — несколько полков были причислены к гвардии после

Отечественной войны 1812 г., но получили лишь часть гвардейских привилегий — они и назывались «молодой гвардией», по примеру Наполеоновских войск):

Скалозуб:

Мне нравится, при этой смете

Искусно как коснулись вы

Предубеждения Москвы

К любимцам, к гвардии, к гвардейским, к гвардионцам;

Их золоту, шитью дивятся будто солнцам!

А в первой армии когда отстали? в чем?

Всё так прилажено, и талии все так узки,

И офицеров вам начтём,

Что даже говорят, иные, по-французски

[Грибоедов 1: 50].

Напомним, что внешним отличием гвардейского офицерского мундира было золотое (реже серебряное) шитье на воротнике и обшлагах мундира, тогда как армейским офицерам оно не полагалось. Мода на чрезвычайно затянутые талии характерна для 20-х гг. XIX в.

Фраза «всё так прилажено» отсылает к усилиям Александра I и великого князя Константина Павловича довести внешний вид солдата до высшей степени совершенства и унифицировать абсолютно все детали — император лично контролировал разработку даже второстепенных предметов формы и снаряжения. Именно в это время впервые в России широко распространились «образцовые рисунки», изображающие солдат во всех ракурсах и демонстрирующие все элементы идеализированной строевой подготовки и пригонки солдатского снаряжения [см.: Художник Лев Иванович Киль].

Что касается знания иностранных языков, то образование отнюдь не было сильной стороной тогдашнего русского офицерства — 75,1 % всего офицерского корпуса, как отмечали послужные списки, «порусски читать и писать умеет, арифметику знает». Лишь меньше четверти офицерского корпуса изучало еще какие-то науки сверх указанного минимума [Целорунго: 115–131].

Грибоедов довольно много внимания уделяет наградам Скалозуба: «Ему дан с бантом, мне на шею».

По мнению легендарного знатока униформологии В. М. Глинки:

«с бантом» — несомненно, орден Владимира IV степени, а «на шею» — почти, бесспорно, Анны II степени: Владимира IV степени Скалозуб уже, очевидно, имел — согласно старшинству орденов. Если бы ему дали Владимира III степени, это нарушило бы принятую последовательность награждений [Грибоедов: 315].

Правота В. М. Глинки очевидна. Теоретически нельзя полностью исключать, что А. С. Грибоедов не помнил точного времени введения 4-й степени ордена св. Анны (в 1815 г.) и мог подразумевать награждение им во время Отечественной войны. Однако мы полагаем, что, учитывая чрезвычайную скрупулезность автора комедии «Горе от ума», можно исключить такое предположение.

Награждение Скалозуба орденом св. Анны 2-й степени почти наверняка означало, что он к 1813 г. достиг штаб-офицерского чина (по меньшей мере, майора). Учитывая, что он служил офицером с 1809 г., это предполагает исключительно быстрое прохождение обер-офицерских чинов (Скалозуб как егерь мог быть произведен сразу в подпоручики, минуя чин прапорщика (по штату прапорщики в егерских полках не полагались), ему надо было пройти чины поручика, штабс-капитана и капитана. По статистике, в 1815 г. 37,4 % обер-офицеров русской армии принадлежали к возрастной категории 20–25-летних, а штаб-офицеров в этом возрасте было всего 1,9 %! [Целорунго]. Несомненно, что для такого продвижения в чинах офицер должен был постоянно участвовать в военных действиях.

Фамусов же говорит: «И знаков тьму отличья нахватал». Это указание может быть расшифровано следующим образом: Скалозуб награжден орденом св. Анны 3-й степени (носила на оружии), св. Владимира 4-й степени с мечами (и, возможно, с бантом). Это подразумевается, поскольку обычно награждения шли последовательно. Он, несомненно, имел орден св. Анны 2-й степени (следует из словосочетания «мне на шею»). Нет оснований полагать, что он мог быть награжден орденом св. Георгия, поскольку эта награда была настолько почетной, что должна была привлечь внимание Фамусова. Подчеркнем, что эта награда была редкой, поэтому ее отсутствие у Скалозуба не является дискредитирующим его признаком. Вероятно наличие на груди Скалозуба

медалей: «За переход на шведский берег 1809 г.» (если он участвовал в русско-шведской войне 1808–1809 гг. в составе 30-го егерского полка) и дворянской медали за 1812 г. Медаль «За взятие Парижа», учрежденная в 1814 г. была роздана лишь при Николае I, поэтому ее ношение в 1823 г. можно исключить.

Мы полагаем, что Скалозуб также был награжден какой-то иностранной наградой за Заграничный поход, причем носимой на груди, ведь опытный чиновник Фамусов, который должен был легко узнавать русские ордена, затрудняется и говорит: «Имеет, кажется, в петличке орден». Скалозуб мог получить такие награды как австрийский орден Леопольда малого креста (3-й степени), прусский орден Красного орла 3-й степени, шведский орден Меча 4-й степени, баварский орден Максимилиана-Иосифа 3-й степени. Эти награды выдавались по принципу паритета — русский царь должен был наградить русскими орденами равного достоинства равное число иностранных офицеров.

Таким образом, вероятно наличие у полковника 5–6 наград, в том числе не менее одной иностранной. Первоначально Грибоедов включил в комедию указание на большее число имеющихся у Скалозуба наград (крестов): «Шесть, семь их у меня (первоначально: «их девять у меня»), да если б было десять, не худо бы еще один привесить» [Пиксанов: 212]. Сокращение числа наград при редакции пьесы приближало сюжет к реальности и было еще одним шагом автора «Горя от ума» в сторону характеристики героев в духе реализма.

Грибоедов проводит Скалозуба через ряд сцен, которые позволяют расширить наше представление о нем.

Фамусов:

Прошу покорно, здесь теплее;
Прозябли вы, согреем вас;
Отдушничек отвернем поскорее...

<...>

Кладите шляпу, сденьте шпагу...

[Грибоедов 1: 43].

Скалозуб:

Куда прикажете, лишь только бы усесться

[Грибоедов 1: 43].

При своем первом появлении на сцене, Скалозуб, очевидно, приезжает в дом Фамусова с развода, на котором должны были присутствовать все свободные от службы офицеры гарнизона. Он совершенно точно в этот день не находился во главе своего полка, поскольку, если бы это было так, то он должен был быть в кивере и верхом, тогда как он в шляпе и очень устал быть на ногах — именно это и указывает на то, что он присутствовал на разводе не как полковой командир.

По существовавшим правилам, развод проводился обычным порядком при температуре до минус 10 градусов по Реомюру (12,5 градусов Цельсия) [Юркевич: 134]. Полковник замерз, поскольку надо было стоять неподвижно, в одном мундире, без шинели — если бы он командовал полком, он был бы верхом и двигался, поэтому не замерз бы так сильно.

Действие пьесы исследователи убедительно относят к декабрю 1823 г., ко времени Рождественского поста. Напомним, что зима 1823–1824 гг. в Москве отличалась особой суровостью [Калашников: 131–137], что и нашло отражение в этой сцене. Именно потому, что Скалозуб с развода, он приезжает в дом Фамусова достаточно рано утром, по меркам штатской чиновной публики — разводы начинались в 9 утра [Юркевич: 133], так что полковник появляется на сцене не позднее полудня.

Вопрос об «уме» Скалозуба, казалось бы, решается репликой:

Софья:

Куда как мил! и весело мне страх
Выслушивать о фрунте и рядах;
Он слова умного не выговорил сроду, —
Мне всё равно, что за него, что в воду
[Грибоедов 1: 23].

Для Софьи «умное» слово явно не может относиться к профессиональной военной сфере, ведь понятно, что и «о фрунте и рядах» можно говорить умно. Военная повседневность Софью явно не занимает. Полное совпадение в оценке интеллектуальных интересов большинства русских офицеров грибоедовской эпохи показывают образ Скалозуба и воспоминания генерал-лейтенанта, ветерана Кавказской войны Ф. Ф. Торнау (1810–1890):

Наши армейские офицеры того времени не блистали ни тонким образованием, ни глубокою ученостью, зато были фронтовые служаки и по большей части добрые ребята. Сверх этих достоинств, да безотчетной храбрости, бесполезно было отыскивать в них еще другие качества. Не подводя под общее правило небольшое число исключительных личностей, можно сказать, что жизнь армейского офицера наполнялась тогда службой, картами, весьма непоэтическим разгулом или совершенным бездельем, которого не стану равнять с итальянским *“far niente”*, потому что не доставало в нем упоения солнцем и природой, ни с восточным «кейфом», побуждающим к внутреннему созерцанию. Это было простое, бездумное лежание на кровати под крышей избушки или под полотном палатки. Офицеру невозможно было читать и учиться, потому что в деревенской стоянке или на походе не доставало книг; о политике он и не помышлял, ограничивая весь жизненный интерес производствами и происшествиями в полку, составлявшем для него ближайшее, знакомое ему отечество посреди общего отечества, о котором он имел самое неясное представление. Небольшое число существовавших тогда газет и периодических изданий: «Пчела», «Сын Отечества», благонамеренный «Московский Телеграф» и интересный для военного человека «[Русский] Инвалид» мало говорили о России и о русских делах... Армейский пехотный офицер, лишенный необходимых материальных и умственных способов, поневоле ограниченный в своих понятиях и интересах, исправлял службу машинально, ел, пил, играл и, лежа на боку, ни о чем не помышлял. Все офицеры из прибалтийских губерний говорили по-немецки, но французский язык знали весьма немногие; в пехоте носилось тогда поверие, что он совершенно бесполезен на службе и пригоден только для паркетных шаркателей, никуда негодных «бонжуров»... Из этого не надо заключать, что в наших войсках не имелось тогда достаточного числа многосторонне образованных офицеров; они, к несчастью, водились только в гвардии, в штабах и частью в кавалерийских полках: для армейской пехоты оставалось их очень немного [Торнау: 31–32].

Мы согласны с наблюдением Л. Ю. Фуксона о том, что Скалозуб находится в счастливом состоянии неведения, отказа от знания [Фуксон: 8–12], поскольку «Во многой мудрости много печали» — дополнительный повод для ироничного употребления слова «философ» применительно к этому герою. Более того, полковник склонен к воинствующему отрицанию любого отвлеченного знания:

Скалозуб

Избавь. Ученостью меня не обморочишь,
Скликай других, а если хочешь,
Я князь-Григорию и вам
Фельдфебеля в Волтеры дам,
Он в три шеренги вас построит,
А пикните, так мигом успокоит
[Грибоедов 1: 107].

Подводя итоги рискнем предположить, что Грибоедов замыслил сыграть со зрителем в игру, сначала подкинув ему мысль о том, что в образе Скалозуба выведен аналог маски комедии дель арте Скарамуччо (Капитан, Скарамуш) — хвастливого и трусливого вояки, постоянно сыпящего небылицами. В этом контексте вполне уместен огромный рост Скалозуба, его нарочитая военная выправка, грубый голос, наконец, сама фамилия, не только намекающая на то, что ее носитель — шутник, но даже созвучная имени Скарамуччо/Скарамуш. На раннем этапе работы над пьесой полковник был обрисован как военный, совершающий бесконечные подвиги, осыпанный наградами — что, в целом, ложится в логику поведения маски Скарамуччо. Исходя из этой логики в дальнейшем Скалозуб должен был проявить трусость и разоблачить себя, но этого не происходит.

В процессе работы над пьесой Грибоедов последовательно снимал штампы, относившиеся к полковнику — исчезли «гренадеры», которыми он командует, «батарея», которую он берет, чрезмерное число наград.

В результате возник образ Скалозуба как реалистически обрисованного армейского офицера, заслуженно быстро повышавшегося в чинах, рисковавшего жизнью, вынесшего на своих плечах тяжесть войны с Наполеоном. При этом автор комедии не идеализирует своего героя — он остается не только необразованным, но возводит свое невежество в добродетель, в своеобразную «философию».

Конфликт между ожиданиями зрителя — увидеть в Скалозубе комического «вояку» — и его реалистическим образом является одной из движущих сил пьесы, придающих этой комедии революционный, взрывающий шаблоны, характер. Таким образом, мы возвращаемся к эпиграфу нашей статьи: «Карикатур ненавижу; в моей картине ни одной не найдешь».

Список литературы

Источники

Богданович М. И. История войны 1813 года за независимость Германии, по достоверным источникам. СПб.: Типография штаба военно-учебных заведений, 1863. Т. 1. 701 с.

Боевой календарь-ежедневник. Отечественная война 1812 г. Ч. I. Перечень боевых столкновений русских армий с 4 июня по 31 августа 1812 г. / под ред. В. П. Никольского; сост. Н. П. Поликарпов. М.: Печатня А. И. Снегиревой, 1913. 676 с.

Висковатов А. В. Историческое обозрение лейб-гвардии Измайловского полка. 1730–1850. СПб.: Типография Главного управления путей сообщения и публичных зданий, 1850. 430 с.

Воинский устав о полевой пехотной службе от 29 ноября 1797 г. Часть 9. Глава V. О наполнении убылых обер- и унтер-офицерских мест. Статья 2 // Полное собрание законов Российской империи с 1649 г. Т. XXIV. СПб., 1830.

Грибоедов А. С. Полн. собр. соч.: в 3 т. / гл. ред. С. А. Фомичев. СПб: Нотабене, 1995–2006.

Ланжерон А. Ф. Русская армия в год смерти Екатерины II. Состав и устройство русской армии // Русская старина. 1895. Т. 83. № 4. С. 145–177.

Михайловский-Данилевский А. И. Описание Отечественной войны в 1812 году, по высочайшему повелению сочиненное. СПб.: Военная типография, 1839. Т. 2. 400 с.

Михайловский-Данилевский А. И. Описание финляндской войны на сухом пути и на море в 1808 и 1809 годах. СПб.: Типография штаба Отдельного корпуса внутренней стражи, 1841. 524 с.

Плесвицкое перемирие 1813 // Советская историческая энциклопедия / гл. ред. Е. М. Жуков. М.: Сов. энциклопедия, 1968. Т. 11. С. 211.

Скалозуб Демьян // Биографический словарь. URL: <https://dic.academic.ru/dic.nsf/biograf2/11746> (дата обращения: 05.05.2025).

Торнау Ф. Ф. Воспоминания русского офицера. М.: АИРО-XX, 2002. 456 с.

Исследования

«Век нынешний и век минувший...»: Комедия А. С. Грибоедова «Горе от ума» в русской критике и литературоведении. СПб.: Азбука-классика, 2002. 448 с.

Глинка В. М. Пушкин и Военная галерея Зимнего дворца. Л.: Лениздат, 1988. 238 с.

Звегинцов В. В. Русская армия. Ч. 4 (1801–1825). Париж: Б. и., 1973. 189 с.

Калашиников С. Б. «...Во вторник зван я на форели»: о времени действия комедии А. С. Грибоедова «Горе от ума» // Вестник Волгоградского государственного университета. 2008. Сер. 8. Вып. 7. С. 131–137.

Лалин В. В. Армия России в Кавказской войне XVIII – XIX вв. СПб.: Европейский дом, 2008. 400 с.

Нечкина М. В. Грибоедов и декабристы. М.: Издательство АН СССР, 1951. 623 с.

Пиксанов Н. К. Творческая история «Горя от ума». М.: Наука, 1971. 399 с.

Спасский И. Г. Иностранные и русские ордена до 1917 г. Л.: Изд-во Гос. Эрмитажа, 1963. 195 с.

Терешкина Д. Б. «Где, укажите нам, отчества отцы?» (Минейный код в системе персонажей комедии А. С. Грибоедова «Горе от ума») // Культура и текст. 2013. № 2. С. 117–125.

Ульянов И. Э. Регулярная пехота. 1801–1855. М.: АСТ, 1997. 248 с.

Фуксон Л. Ю. Еще раз о смысле названия «Горе от ума» // Гуманитарные науки в Сибири. 2001. № 4 С. 8–12.

Художник Лев Иванович Киль. М.: Кучково поле, Музеон, 2020. 263 с.

Целорунго Д. Г. Формулярные списки офицерского корпуса русской армии эпохи Отечественной войны 1812 г. // Исследования по источниковедению истории СССР дооктябрьского периода. М.: Институт Истории СССР, 1990. С. 115–131.

Шевяков Т. Н. Потери знамен и штандартов Российской Императорской армии в 1799–1917 гг. // Электронная научно-историческая библиотека «Гербовед.ру». URL: <https://gerboved.ru/t/2725> (дата обращения: 13.11.2024).

Masters J. Casanova. London: Michael Joseph, 1969. 302 p.

References

“*Vek nyneshnii i vek minuvshii...*”: Komediia A. S. Griboedova “*Gore ot uma*” v russkoi kritike i literaturovedenii [“*The Present Century and the Past Century...*”: A. S. Griboyedov’s Comedy “*Woe from Wit*” in Russian Criticism and Literary Studies]. St. Petersburg, Azbuka-klassika Publ., 2002. 448 p. (In Russ.)

Glinka, V. M. *Pushkin i Voennaia galereia Zimnego dvortsa* [Pushkin and the Military Gallery of the Winter Palace]. Leningrad, Lenizdat Publ., 1988. 238 p. (In Russ.)

Zvegintsov, V. V. *Russkaia armia. Chast’ 4 (1801–1825)* [The Russian Army. Part 4 (1801–1825)]. Paris, [s. n.], 1973. 189 p. (In Russ.)

Kalashnikov, S. B. “‘...Vo vtornik zvan ia na foreli’: o vremeni deistviia komedii A. S. Griboedova ‘Gore ot uma.’” [“‘...On Tuesday I’m Invited to the Trout Party’: On the Setting of A. S. Griboyedov’s Comedy ‘Woe from Wit’”]. *Vestnik volgogradskogo gosudarstvennogo universiteta*, series 8, issue 7, 2008, pp. 131–137. (In Russ.)

Lapin, V. V. *Armia Rossii v Kavkazskoi voine XVIII–XIX vv.* [The Russian Army in the Caucasian War of the 18th–19th Centuries]. St. Petersburg, Evropeiskii dom Publ., 2008. 400 p. (In Russ.)

Nechkina, M. V. *Griboedov i dekabristy* [Griboyedov and the Decembrists]. Moscow, Academy of the Sciences of the Soviet Union Publ., 1951. 623 p. (In Russ.)

Piksanov, N. K. *Tvorcheskaiia istoriia “Goria ot uma”* [The Creative History of “Woe from Wit”]. Moscow, Nauka Publ., 1971. 399 p. (In Russ.)

Spasskii, I. G. *Inostrannye i russkie ordena do 1917 g.* [Foreign and Russian Orders before 1917]. Leningrad, State Hermitage Museum Publ., 1963. 195 p. (In Russ.)

Tereshkina, D. B. “‘Gde, ukazhite nam, otechstva ottsy?’ (Mineinyi kod v sisteme personazhei komedii A. S. Griboedova ‘Gore ot uma’)” [“Where, Show Us, Are the Fathers of the Fatherland?” (Menaion Code in the Character System of A. S. Griboyedov’s Comedy ‘Woe from Wit’)]. *Kul’tura i tekst*, no. 2, 2013, pp. 117–125. (In Russ.)

Ulianov, I. E. *Reguliarnaia pekhota. 1801–1855* [*Regular Infantry. 1801–1855*]. Moscow, AST Publ., 1997. 248 p. (In Russ.)

Fukson, L. Iu. “Eshche raz o smysle nazvaniia ‘Gore ot uma.’” [“Once Again on the Meaning of the Title ‘Woe from Wit.’”]. *Gumanitarnye nauki v Sibiri*, no. 4, 2001, pp. 8–12. (In Russ.)

Khudozhnik Lev Ivanovich Kil’ [Artist: Lev Ivanovich Kiel]. Moscow, Kuchkovo pole, Muzeon Publ., 2020. 263 p. (In Russ.)

Tselorungo, D. G. “Formuliarnye spiski ofitserского korpUSA russkoi armii epokhi Otechestvennoi voiny 1812 g.” [“Service Lists of the Officer Corps of the Russian Army during the Patriotic War of 1812”]. *Issledovaniia po istochnikovedeniiu istorii SSSR dooktiabr’skogo perioda* [Research in Source Studies of the Pre-October History of the Soviet Union]. Moscow, Institute of History of the Soviet Union of AS SU Publ., 1990, pp. 115–131. (In Russ.)

Sheviakov, T. N. “Poteri znamen i shtandartov Rossiiskoi Imperatorskoi armii v 1799–1917 gg.” [“Losses of Banners and Standards of the Russian Imperial Army in 1799–1917”]. *Elektronnaia nauchno-istoricheskaiia biblioteka “Gerboved.ru”* [Scientific and Historical Library “Gerboved.ru”]. Available at: <https://gerboved.ru/t/2725> (Accessed 13 November 2024). (In Russ.)

Masters, John. Casanova. London, Michael Joseph Publ., 1969. 302 p. (In English)